

Глава 407.

В бинтах.

Чжао Линьхуа почувствовала, как по ее спине пробежал холодок, когда внимание было привлечено к ее старшей сестре. Ее руки не могли перестать дрожать, когда она вспомнила невыносимую боль, которую испытала несколько дней назад.

Она не знала, что случилось и как это произошло, но одно переросло в другое, и она оказалась похищенной. Должно быть, это был сумасшедший фанат или жуткий сталкер, потому что первое, что сделал похититель, - это испортил ей руки.

Это было чудом, что ее даже нашли живой, но задним умом она понимала, что это было сделано не просто так, а скорее, по гораздо более зловещей причине. Если бы она умерла, то это было для ее мучителей слишком большим раем.

Даже находясь в окружении могущественных людей с настоящими телохранителями, Чжао Линьхуа чувствовала себя в опасности. Безопасность здесь была на высшем уровне, но по коже пробегали мурашки. Кто-то наблюдал за ней. Это был не взгляд восхищенного поклонника, а скорее человека, жаждущего ее крови.

Она не могла вспомнить, когда в последний раз испытывала такой парализующий страх, как сейчас: «В-все в порядке, Матриарх Ге. Я не могла нарушить свое обещание. Я все еще могу играть, не волнуйтесь». Ее сомнительный голос заставил Гэ Яфань с неудовольствием опуститься вниз.

- Но моя дорогая, твои пальцы забинтованы бинтами. Конечно, было бы больно ими двигать, а тем более играть. Мне жаль тебя. Кто мог сделать с тобой такое? Я надеюсь, что нападавших вскоре найдут и заключат за решетку.

Ее слова вызвали ропот в толпе. Никто не знал, что случилось с Чжао Линьхуа, и лишь некоторые из них слышали отрывки из этой истории. Ни одна душа здесь не знала всей истории, но с формулировкой Гэ Яфань каждый мог интерпретировать то, что случилось с молодым и подающим надежды гением.

- Так ужасно думать, что этот маньяк все еще бродит по улицам. - Лицо Гэ Яфань было искажено беспокойством. - Я не знала, что вы были ранены до такой степени. Если бы вы сообщили мне, я бы посоветовал вам остаться дома и восстановить силы.

Лицо Чжао Линьхуа застыло. Раньше она не осознавала этого, но почему-то сочувственный голос этой Матриарх казался почти насмешливым для ушей, как будто она насмехалась над ней. Она моргнула, и перед ее взором предстало ужасающее зрелище.

Вместо лиц была пустота клубящейся черной краски, раскрашенной, как у монстров. Глаза

превратились в острые полумесяцы, перевернутые вверх ногами и свисающие, как у маски Джокера. Губы сделаны из кривых кинжалов, лица напоминали старинные маски в старинных оперных спектаклях. Хихиканье затопило ее уши, и хотя никто не смеялся над ней из-за ее травмы, казалось, что люди издеваются над ней.

Ее мир закружился, она не знала, было ли это из-за недостатка питания или сна. Ее дыхание участилось, а глаза расширились. Страх окутал ее сердце, сильно выжимая из ее души последнее мужество. Под их выжидательными взглядами, она чувствовала себя преданной.

«Она ранена?.. Какой позор».

«С такой травмой, как кто-то может играть на пианино? Вам нужны тонкие и сильные пальцы, чтобы даже играть хорошие ноты».

«Тск, она планировала оскорбить Матриарха, появившись с таким ранением?»

«Она позорит почетное имя Чжао. Ах. Какая жалость».

Уши Чжао Лайфи напряглись при последнем заявлении.

Прежде чем она смогла ответить, грубый и глубокий голос произнес: «Какая жалость. Позорное семейное наследие будет жить дольше, чем ваше». Мягкий, как тонко процеженное и выдержанное вино, но дрожащий, как грохотание грома в небе, его голос был тем, с кем шутить не следовало.

Пары глаз переместились на царственного мужчину, сидящего на стуле цвета слоновой кости, металлические конструкции которого закручивались в спирали из ветвей персикового цвета. Его седые волосы были зачесаны назад, а его постоянное неодобрительное нахмуренное видение заглушало блуждающие взгляды зевак. Никто не осмеливался смотреть на него дольше положенного времени.

Дедушка.

Слово остановилось на кончике языка Чжао Лайфи. Она не сказала этого, но таяние ее ледниковых глаз выразило ее мысли.

Чжао Мояо неторопливо сказал: «Дорогой друг, ты недавно вернулась в высшее общество и уже создаешь проблемы, как в былые дни. Тебе, правда, так скучно?»

Морщинки на лице Ге Яфань стали глубже, когда ее губы растянулись в веселой улыбке: «Поскольку я стала такой старой, я полюбила классическую музыку. Это такое удовольствие, что две твои внучки могут так искусно играть на пианино. Простите мою жадность, но у меня есть желание увидеть, как она играет своими глазами».

- Вы можете эксплуатировать другого ребенка сколько угодно, но свой талант Сяо Фэй не потратит зря на бесполезные уши, которые не могут отличить вундеркинда от гения.

Напряжение было таким сильным, что даже нож не мог разорвать его, между ними надвигалась сильная буря.

Чжао Лайфи скрипнула зубами. Она не хотела, чтобы разгорелся спор. Для этого было слишком рано, и погода была слишком хорошей. Вздохнув через нос, ее острый взгляд упал на Ге Яфань, прежде чем он остановился на бабушке.

Пять слов. Это все, что ей нужно было сказать, и Чжао Мояо отвезет ее домой, в безопасные и утешительные объятия ее темпераментного мужа. Но незаметно для нее и всех присутствующих, дьявол прибыл сам.

Его колесница смерти, замаскированная под современный гладкий черный Майбах, подъехала, менее чем за минуту до этого. Тем не менее, его мощные шаги смогли достичь сада быстрее, чем кто-либо другой. Никто из слуг не осмеливался становиться на его пути.

К несчастью для него, ничто не могло сравниться со скоростью ее слов: «Я буду выступать».

Шаги Ян Фэна замедлились. Он только что подошел к распахнутым французским дверям, где его жена стояла менее чем в двух метрах от него. Он не мог видеть ее выражение лица и не мог прочесть язык ее тела. Но ему не нужны были глаза, чтобы читать такие вещи. Он мог слышать смятение в ее голосе.

- Это не обязательно. - Самого присутствия Ян Фэна было достаточно, чтобы прекратить всякое объявление войны. Ни один из старейших не заговорил при его словах, никто из них не вмешивался в действия этого молодого человека, чью убийственную ауру можно было почувствовать за много миль. Ужасно спокойная тень легла на его лицо, подчеркивая его точеные черты.

Чжао Лайфи чувствовала темное присутствие своего мужа, стоящего позади нее. Даже не глядя на него, она чувствовала, как ярость катится по всему его телу. Он был на грани. Малейшее движение могло его спровоцировать.

- Я бы хотела. - Даже если никто не имел права заставлять ее играть на пианино, она заставляла себя желать этого. Прошло так много времени с тех пор, как она в последний раз касалась пальцами инструмента.

Пальцы Ян Фэна сжались в кулаки. Он никогда не слышал, чтобы она играла на пианино, и теперь он впервые услышит это перед неуютной толпой.

- Все будет хорошо, - тихо сказала она, прежде чем подойти к сцене.

Чжао Линьхуа все еще была слишком потеряна в своем маленьком мире, чтобы осознавать события, разворачивающиеся перед ней. Пригнувшись к земле, как будто руки мертвых сжимали ее лодыжки, она замерла на месте.

- Может, отойдете в сторону или нет?- резко прошептала Чжао Лайфи, достаточно низким шепотом, чтобы его могли услышать только они двое.

Чжао Линьхуа вздрогнула от грубого голоса своей сестры. У нее пересохло в горле, и она почувствовала, что к ней прикоснулась ее старшая сестра. Желание ссориться и спорить с ней давно поухло, когда она вспомнила ужасную судьбу своей матери.

Дрожа на месте, без союзников, которые могли бы ее защитить, она могла только отойти в сторону. Ее голова продолжала кружиться, а в мозгу возникали вопросы. Она давно не видела Ся Мэнси, и все ее друзья покинули ее, когда поняли, что она больше не богата.

- Я-я могу это сделать.

- Что вы можете.- Саркастически спросила ее Чжао Лайфи упрекающим тоном.

- Нет, правда, я могу ...

- Не делай хуже. Ты уже опозорилась, придя сюда раненой. - Чжао Лайфи давно порвала все узы, которые связывали ее с младшей сестрой. Закаленная ее предательством, она никогда больше не будет нежно смотреть на Чжао Линьхуа, и мило обращаться с ней.

- Вы так долго не прикасались к пианино, почему вы думаете, что умеете играть?!- резко вскрикнула Чжао Линьхуа, ее слова звенели в безмолвных полях.

При ее провокационных словах взгляд Ян Фэна стал пугающим. Этого было достаточно, чтобы заморозить росу на лепестках и кровь Чжао Линьхуа. Даже, несмотря на расстояние между сценой и дверьми, она все еще чувствовала, как его властное присутствие давит на нее.

- Мне не нужно что-то доказывать, в отличие от тебя. - Холодно возразила Чжао Лайфи, прежде чем пройти мимо Чжао Линьхуа и подняться к сцене.